

Текст · 28 июня 2022, 08:41

Дмитрий Швец,

Одна большая черная дыра. Как украинцы ищут своих родных, которых насильно увезли в Россию и, вероятно, держат в СИЗО

Алле Матвеевой 60 лет, из них 39 она замужем за Евгением Матвеевым, мэром Днепрорудного, небольшого города в Запорожской области. Евгений родился в Новокузнецке, переехал в Украину и трижды избирался на пост главы города, в 2020 году — от пророссийской партии «Оппозиционная платформа "За жизнь"».

В первые же недели войны значительную часть области захватила российская армия. Россияне окружили Днепрорудное, но поначалу в город не заходили. Алла рассказывает, что ее муж каждый день ходил на работу и делал все, чтобы у горожан были газ, свет, вода, продовольствие и бензин. Он организовал городскую дружину и помогал людям выехать на подконтрольную Украине территорию.

13 марта Матвеев исчез. По словам жены, в тот день он то ли совершал ежедневный объезд и был задержан, то ли получил звонок о том, что россияне остановили автобусы с горняками, которые ехали на шахту, и поехал разбираться к российскому блокпосту. В тот же день Алле позвонили знакомые и сказали, что российские военные забрали у Евгения телефон.

«Там русские его сразу арестовали. Люди стали требовать вернуть мэра, парням-дружинникам сказали: езжайте домой, пусть заместители сидят в кабинете, он им скоро позвонит, но не вздумайте сюда вести людей, иначе им плохо будет», — пересказывает она последнее, что достоверно известно о муже. В администрацию Матвеев так и не позвонил, Аллу «в невменяемом состоянии» на месяц забрали к себе жить друзья.

«Наша сторона просила, чтобы он был в обмене, но ни одного ответа не дали с российской стороны. И наши говорят, что мы даже не знаем, где он находится, в каком он месте, куда его вывезли», — рассказывает она. К концу апреля в Днепрорудное вошла военная техника с буквой Z на кузовах, город заняли россияне, и Алла уехала.

35-летний Сергей Удовиченко жил в селе Байрак Харьковской области и до войны работал в фермерском хозяйстве. До 20 марта он периодически созванивался со своим братом Александром, потом связь пропала. Когда украинская сторона вернула село под свой контроль, Александр приехал в Байрак, но брата там не нашел.

Одна из местных жительниц рассказала Удовиченко, что видела, как Сергея и еще троих мужчин забирали российские военные. По ее словам, на вопрос о том, что теперь будет с пленниками, солдаты ответили: «Больше вы их не увидите». Продавщица в магазине, где отоваривались россияне, сказала Александру, что, по их словам, захваченных жителей села отправили «в тюрьму».

Таких историй очень много, говорит эксперт по вопросам поиска и освобождения пленных отдела обеспечения Генерального штаба и Минобороны Украины Ирина Баданова. По ее оценке, в российских СИЗО и колониях, а также в Еленовке на территории Донецкой области в неопределенном статусе находятся по меньшей мере 200 мирных жителей Украины, и это, отмечает Баданова, самое «оптимистичное число».

Речь идет о пленниках, которые не имеют никакого отношения к армии или другим силовым структурам и во время войны не брали в руки оружие. Баданова называет таких людей гражданскими заложниками и делит их на три категории: те, кто пропал без вести, те, о ком есть какие-то сведения, и, наконец, люди, о которых сравнительно достоверно известно, что сейчас они находятся в одном из российских СИЗО. О последних рассказывают украинцы, побывавшие в заключении или в плену, которых обменяли на российских военных — после освобождения они связываются с близкими пленных, чтобы передать им хоть какие-то известия.

Поиски пленных в российских СИЗО

Одна из самых известных украинок, насильно вывезенных в Россию — 25-летняя учительница математики Виктория Андруша. После начала войны она приехала из Броваров к родителям в село Старый Быков Черниговской области. В интервью «Радио Свобода» местные жители рассказывали, что 27 февраля, сразу после захвата села, российские военные расстреляли шестерых мужчин, а в котельной клуба соседнего села Новый Быков

устроили временную тюрьму, через которую прошли не менее 40 человек.

Сестра Виктории Ирина рассказывает «Медиазоне», что россияне осматривали дома и проверяли телефоны сельчан. 26 марта солдаты пришли в дом ее родителей, продолжает Ирина, и потребовали, чтобы Виктория показала свои переписки, а после обвинили в том, что она передавала украинским властям сведения о перемещениях российских войск. Тогда, говорит Ирина, они перевернули все вверх дном, забрали документы у родителей Андруши и ее 80-летней бабушки, а Викторию увели. Позже от односельчан стало известно, что девушку два дня продержали в котельной клуба, а при отступлении^[1] забрали ее с собой.

«13 апреля мне позвонил человек и сказал, что Виктория находится в Курске в СИЗО-1. Это был мужчина, который был в плену. Он видел Викторию, и его жена видела, — рассказывает Ирина. — Там был палаточный городок, в котором они находились неделю или сколько там, я не знаю. Топили дровами печку, ну, это со слов мужчины. И потом уже их увезли в СИЗО Курска. Мужчина видел Вику в автозаке, когда их перевозили из Глухово в Курск. А жена его была непосредственно в камере с Викой, камера 5.13».

Российский адвокат Ирина Бирюкова решила проверить эту информацию и попыталась попасть к Андруше в изолятор. Она вспоминает, что 25 апреля пришла в отдел спецучета, где надо заполнить заявку на посещение. Там ей сказали, что арестантки с таким именем нет, и направили к начальнику

СИЗО Александру Баглаю. «Он мне задавал вопросы, пытался, видимо, выяснить, что я знаю. И вообще, зачем я пришла, кто я», — рассказывает Бирюкова. По ее словам, начальник изолятора отсканировал ее адвокатский ордер и только после этого сказал, что Андруши в СИЗО все-таки нет.

Похожим образом о судьбе своего мужа Вячеслава Завального узнала юристка из Мариуполя Наталья Таращук. После многодневных бомбежек ей с семилетним сыном удалось выехать в Новую Ялту на побережье Азовского моря. Незадолго до отъезда к ним в квартиру заходили российские военные, поэтому мальчик оставил записку, в которой попросил их не трогать игрушки и музыкальные инструменты: надеялся вернуться домой.

Слева направо: Сергей Любич, Вячеслав Завальный, Евгений Гурьянов, Сергей Удовиченко и Владислав Бондаренко. Иллюстрация: Mari Msukanidze / Медиазона

Супруг Натальи должен был приехать на побережье из Броваров, но 22 марта Вячеслав позвонил и сказал, что его задержали «для выяснения обстоятельств». Через день он позвонил еще раз и пообещал

прорваться к жене, а потом перестал выходить на связь. Наталья с сыном уехала в Европу. В Украине осталась старшая дочь Завального Карина, с ней-то и связался 28 мая незнакомый мужчина, который рассказал, что в курском СИЗО-1 он видел ее отца.

«У меня нет никакой информации: на каком основании их вывезли вообще на территорию России и на каком основании его задержали? — возмущается Наталья Таращук. — Ну, основания я понимаю. То есть де-факто это набор себе обменного фонда, да? Да. То есть это я головой понимаю. Но де-юре мы не знаем оснований. То есть, я думаю, де-юре там вообще отсутствует. Если адвокаты попадут к ним и если они их увидят, ну, допустим, Славика, будет уже понятно, что он точно живой. Может быть, какая-то помощь ему нужна будет, может быть, хотя бы какая-то информация по поводу, за что и на сколько? Как долго его там держать будут? Они ждут обмен или его уже в чем-то обвиняют? Мы не знаем, у нас нет информации».

Оба человека, опознавшие Завального и Андрушу в курском СИЗО и позже освободившиеся, отказались говорить с корреспондентом «Медиазоны». Дочь Завального Карина, которая активно участвует в поисках отца, объясняет: большинство освободившихся из российского плена украинцев имеют серьезные проблемы со здоровьем, у многих были ампутации, они «не сильно хотят общаться — у кого-то реабилитация, кто-то в психологическом шоке».

«Он так: все, что я знал, я вам сказал, папу видел такого-то числа, был здоров, имел синяки», — пересказывает она разговор с человеком, сообщившим ей об отце.

Навестить Завального в том же курском СИЗО, где содержат Андрушу, попробовал российский адвокат Дмитрий Захватов, с которым родные Вячеслава заключили соглашение об оказании юридической помощи. В отделе спецучета адвокату сказали, что такого человека в изоляторе нет, и тоже позвали на разговор с начальником. По словам Захватова, Баглай «не подтвердил и не опроверг» информацию о нахождении Завального, но «намекнул, что СИЗО поделено на две части».

«В одной части содержатся следственно арестованные, они числятся за УФСИН, а вторая часть передана под военное управление, там всем заправляют военные, и поэтому если мы хотим посетить кого-то, кто содержится под военной администрацией, то нам стоит посетить военную комендатуру, что мы и сделали, — рассказывает адвокат. — Нас встретил мужчина в чине подполковника, который принялся очень подробно спрашивать нас, откуда нам вообще известно, что здесь находятся люди, которых привезли из Украины. После чего он сказал, что, к сожалению, не может предоставить нам разрешение посетить этих людей».

Захватову предложили обратиться к уполномоченной по правам человека, он так и сделал, но это ни к чему не привело. Он делает вывод, что военные и сотрудники СИЗО уже

проинструктированы, как общаться с адвокатами, поэтому задавали одинаковые вопросы: откуда защитникам стало известно об украинцах и кто их туда направил.

Юрист полагает, что добиться встречи с задержанными гражданами Украины пока не получится. Он подчеркивает, что людей, которые не участвовали в военном конфликте, запрещено-
^[2] содержать в тюрьмах по Третьей и Четвертой

Женевским конвенциям, им нужно предоставить возможность общения с внешним миром. Адвокаты не смогли удостовериться, что права Завального и Андруши соблюдены.

Пополнение обменного фонда

У Натальи Гурьяновой из Бучи пропали двое родственников — муж Евгений и зять Сергей Любич. По ее словам, 18 марта к ним домой пришли российские военные и потребовали, чтобы Наталья и ее супруг ответили на их вопросы. «Допрашивали нас отдельно, потом свели вместе буквально на несколько минут и сказали прощаться, — говорит она. — Отвели меня в другой дом, сказали ждать. Некоторое время они еще со мной разговаривали, а потом сказали: все, я свободна. И когда я вышла, [у дома] не было ни военных, ни военной техники, ни мужа. Только разгром везде».

В тот день солдаты забрали и племянника Натальи Владислава Бондаренко. Она утверждает, что молодого человека держали в аэропорту Гостомеля, а 22 марта, когда российские военные стали отходить в сторону Беларуси, у племянника, по словам

очевидцев, началась паническая атака, он выпрыгнул из транспорта, и его застрелили. Родные похоронили Владислава и попытались выяснить хоть что-то о пропавших Евгении и Сергее. Наталья узнала, что зять перед задержанием повез из Бучи в Гостомель питьевую воду. Как вспоминали очевидцы, когда он вышел из машины, ему на голову накинули мешок и увели.

О том, где находятся их близкие, Наталья и ее дочь узнали, лишь когда к ним пришел мужчина, освобожденный из плена. Он рассказал, что Сергей Гурьянов и Евгений Любич оказались в СИЗО-2 Новозыбкова Брянской области. Наталья предполагает, что ее родственники не догадываются, что их содержат в одном учреждении.

Женщина пока не знает, что делать дальше: «В случае с Россией планировать мы ничего не можем, в основном все зависит от решений, принятых в России, но мой муж и мой зять — мирные люди». Тем не менее о том, что ее зять находится в брянском СИЗО, Гурьянову через бюро поиска пропавших уведомил и Красный Крест. В администрации изолятора ей говорят, что украинцев в учреждении нет. Она уверена в обратном. «Надеюсь, у вас получится достучаться до сердец ваших соотечественников, потому что у нас не выходит», — говорит Наталья корреспонденту «Медиазоны».

Гурьянова обратилась за помощью в Московскую Хельсинкскую группу. Руководитель правовых программ Роман Киселев признает, что в организации получили не одно подобное обращение,

но не может распространяться обо всех случаях: иногда на это не дают согласия родные украинцев, предположительно вывезенных в Россию или на территории самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

В паре случаев, продолжает Киселев, на жен пленников выходили некие люди, уверявшие, что у них есть связи в ДНР и ЛНР. В качестве подтверждения они присылали фотографии экранов с чем-то вроде карточек учета, на которых были фамилии пропавших. Эти люди просили несколько тысяч долларов за содействие в освобождении украинцев, но не смогли убедить их родных, что действительно обладают таким влиянием, рассказывает правозащитник.

«Вообще, все те неотфильтрованные^[3], которые попадают в ДНР, они попадают в такую одну большую черную дыру — там нет адвокатов, которые готовы работать с этими делами, там нету каких-то надежных систем, которые бы позволяли узнавать судьбу этих людей», — констатирует Киселев.

Если в случаях Андруши, Завального и родных Натальи Гурьяновой есть хотя бы какая-то информация, указывающая на то, что они находятся в плену, то другие истории пугающе лаконичны. «Мы в Мариуполе жили, мы с сыном выехали, а мужа 10 апреля увезли, вообще без понятия, где он», — рассказывает Диана Хоцевич. Ее супруг Сергей планировал присоединиться к семье позже, но не успел — родители видели, как его увели российские солдаты. Диана подала заявления в украинские

правоохранительные органы, но ничего нового о том, где сейчас ее муж, пока не узнала.

«Кого-то арестовали на блокпосте, и мы понимаем, что человек, возможно, погиб. Но до тех пор, пока нет вывода по ДНК-тесту, мы продолжаем его искать», — говорит Ирина Баданова из украинского Генштаба. Она соглашается с догадкой о том, что многих мирных жителей могли вывезти в Россию, чтобы пополнить обменный фонд — по ее сведениям, в начале войны у украинцев было намного больше пленных, чем у россиян. Потом ситуация изменилась.

«А потом произошло то, что произошло с Бучей и Ирпенем, к сожалению, после этих зверств, после шокирующих преступлений в какой-то период военным, сражающимся на фронтах, брать в плен противника было психологически трудно, об этом мы говорим совершенно откровенно. И за счет этого факта в том числе количество пленных россиян сократилось по сравнению с количеством пленных украинцев. То есть как обменный фонд эти люди уже сейчас фактически не нужны. Понимаете, какая беда?» — рассуждает Баданова.

В любом случае обмен пленными происходит и сейчас, мирных украинцев освобождают из российского заключения. В июне был освобожден глава Шевченковской громады^[4] Николаевской области Олег Пилипенко, который провел два месяца в Чернобаевке и Новой Каховке на территории Херсонской области. Основываясь на рассказах освобожденных украинцев, Баданова говорит, что пленных нередко пытаются и подвергают

издевательствам; Викторию Андрушу, к примеру, побрили налысо.

В середине мая «Настоящее время» со ссылкой на осведомленный источник [сообщило](#), что в СИЗО-2 города Ряжска Рязанской области находятся 219 граждан Украины. Еще четверо анонимных собеседников издания рассказали, что заключенных из СИЗО и колоний приграничных регионов России начали перевозить вглубь страны, чтобы освободить места для украинских пленных. Издание направило запросы в несколько региональных управлений ФСИН, но на момент публикации ответов не получило. Аналогичные запросы и с тем же результатом направила «Медиазона».

О своем опыте российского заключения ютуб-каналу «Ходят слухи» [рассказывал](#) доброволец теробороны Михаил Орловский, которого война застала в селе Дорогинка Черниговской области. Он провел в плену 34 дня. Орловский утверждает, что его неоднократно допрашивали о планах украинских добровольцев, а после шести дней в палаточном лагере вместе с другими пленными отправили в СИЗО, где постоянно избивали. Не уточняя, в каком изоляторе в России он находился, Михаил вспоминал, что украинцы — военные и мирные граждане — содержались вместе, но отдельно от остальных заключенных.

«На 150–200 военнопленных у нас военнослужащих было только 23–25 человек, это были пограничники, — отвечал он на вопрос о том, захватывали ли россияне в плен мирных украинцев. — Были парни с Ирпеня,

Бучи, которых забирали просто с погреба, подвала, и в основном только гражданских — наших военных они просто не могли словить — либо срочников. Малолетки (по 19–20 лет) были, три-четыре парня. Это все военные, которые там были, остальные — гражданские».

Тем, чьи родные находятся в заключении или плену в России, Орловский посоветовал «поднимать связи»: его теща и жена обращались во всевозможные инстанции, его постоянно подавали во все списки на обмен. Он также заметил, что информация может поступать с задержкой: когда Орловский уже был в Украине, из Красного Креста сообщили, что он, вероятно, в российском СИЗО и здоров.

Ирина Баданова контактирует и с российскими правозащитниками, в том числе с Киселевым из МХГ и Ольгой Романовой, основательницей и директором фонда «Русь сидящая». Они и связали «Медиазону» с украинцами, которые пытаются добиться освобождения своих родных. Романова объясняет, что российские правозащитники объединились в горизонтальную структуру, в которой она выступает публичным спикером, потому что давно живет в Берлине и может не опасаться преследования российских властей. Эти правозащитники, подчеркивает Романова, занимаются только гражданскими лицами — по обмену военных переговоры идут на «совсем другом уровне».

«Почему мы так мало даем информации? Любая информация, которая от меня уходит, может закрыть

путь к обмену. Сейчас идет очень тяжелый процесс: выходит гражданский и все-все-все рассказывает тебе. Это означает, что следующий не выйдет», — объясняет Романова.

Баданова опасается, что кого-то из украинцев может постигнуть судьба Валентина Выговского — участника Евромайдана, которого в 2014 году задержали в Крыму, обвинили в шпионаже^[5] и приговорили к 11 годам колонии. Связавшись со своими родными, он рассказывал, что силовики из России имитировали расстрел, подолгу держали его в одиночной камере. Случай Выговского, считает Баданова, привлек куда меньше внимания, чем дела других украинцев, осужденных в России.

«О нем у нас никто, по сути, не знал, и мы его проморгали, потому что его арест в Крыму совпал по времени с тяжелой ситуацией на фронте в августе 2014 года, — говорит она. — Вот он восемь лет уже сидит в колонии в Кировской области. Поэтому нужна адвокатская поддержка со стороны России, которая сможет хотя бы упредить возможность ситуации, которая произошла с Выговским, и не потерять тех, кто сегодня незаконно удерживается на территории РФ».

Пока нельзя сказать, что у украинцев есть сколько-нибудь эффективный механизм для поиска пропавших: если не находится очевидец, который встречал пленника в России, его родным остается только надеяться на случай. Российские власти не комментируют сведения о содержащихся в плену гражданах Украины, поэтому близкие могут

рассчитывать только на организаторов обменов, адвокатов и правозащитников, готовых искать пленников украинцев в России.

Международная правозащитная организация *Human Rights Watch* призвала российские власти освободить из-под стражи учительницу Викторию Андрушу и других людей, «произвольно задержанных» на территории Украины. Правозащитники отмечают, что «законы войны не разрешают российским войскам при отступлении с оккупированных территорий забирать с собой представителей гражданского населения Украины».

Жена пропавшего мэра Днепрорудного Алла Матвеева признается, что пока не пыталась обращаться к российским силовикам. На вопрос о том, заявляла ли она о пропаже мужа новым властям Днепрорудного, где теперь другой, назначенный Россией руководитель, женщина отвечает: «Во-первых, это коллаборанты, и у меня даже язык не поворачивается... Этот человек сидит в кабинете на месте моего мужа, понимаете? И у него с совестью все в порядке. Он считает, что так должно быть, что это правильно. Я даже не знаю».

Редактор: Агата Щеглова

-
1. Российские войска, по словам сельчан, начали покидать село 29–30 марта.
 2. Конвенции об обращении с военнопленными и о защите гражданского населения во время войны прямо запрещают содержать интернированных в тюрьмах.

3. Украинцы, оказавшиеся на подконтрольной России территории, рассказывали, что им приходилось проходить процесс фильтрации, во время которого военные проверяли их на возможную причастность к украинским силовым структурам: требовали показать телефоны и татуировки на теле, а также принуждали сдавать отпечатки пальцев и фотографироваться. Тех, кто не прошел фильтрацию, по словам очевидцев, отправляют на другие проверки, что с ними происходит дальше, неизвестно.

4. Административно-территориальная единица в Украине, объединяющая несколько населенных пунктов.

5. Статья 276 УК.